

Глава 18

Ты стал небожителем, а я не останусь ради тебя в мире смертных

Чао Цы невольно отступил на шаг.

Заметив этот инстинктивный страх, Цзинь Яо на мгновение замер, заставляя себя вычленить крупницу здравого смысла из бушующей в душе жажды крови.

— Я не позволю, — глухо произнёс он.

Если юноша одумается сейчас, он не станет его винить. Но одна лишь мысль о том, что Чао Цы может принадлежать другому, застилала взор багровой пеленой. Бог не знал, на что будет способен в следующий миг.

Тот ощутил укол страха, но нелепые слова противника привели его в ярость:

— Ты не позволишь? Смею спросить, кем ты себя возомнил, чтобы указывать мне?

— Я уже говорил: между нами не осталось прежних чувств — лишь старые обиды. У меня нет сил тебе отомстить, но и связываться с тобой я больше не желаю. Единственное моё стремление — чтобы мы никогда больше не пересекались. Цзинь Яо, вернись в своё Царство богов сейчас же, и я, возможно, сохраню о тебе крупницу доброй памяти как о ком-то, кто умеет достойно уходить. Твоё нынешнее жалкое упорство выглядит просто омерзительно.

— Мою свадьбу с Цяо Пэем может оспаривать кто угодно, но только не ты.

Отрезав это, Чао Цы развернулся и направился к выходу, не желая продолжать бессмысленный спор.

Последние остатки рассудка окончательно утонули в кровавом мареве. Цзинь Яо опустил веки, скрывая вспыхнувшую в глазах смертоносную ярость.

— Неужели ты не боишься, что я убью Цяо Пэя? — проговорил он. — Я могу уничтожить не только его. Государство Е, Северные земли, все шесть миров... Для меня нет преград.

— Так действуй! — юноша резко обернулся, на его лице впервые проступила тёмная, пугающая решимость. — Посмотрим, не умру ли я раньше них всех!

Зрачки Цзинь Яо в долю секунды вытянулись в звериные щели. Магия перевоплощения больше не могла сдерживать его истинную сущность. Золотые вертикальные зрачки были неописуемо прекрасны, но один лишь взгляд на них внушал леденящий ужас.

— Ха-ха... — глядя в спину уходящему подростку, бог издал тихий, надтреснутый смешок.

Чао Цы в свадебном облачении был так же ослепительно великолепен, как и в его воспоминаниях, но теперь он надел этот наряд не для него.

Более того, он угрожал собственной жизнью ради другого мужчины.

День свадьбы наступил очень быстро.

Хотя в тот вечер Чао Цы и говорил с Цзинь Яо твёрдо, последние дни он провёл в гнетущем ожидании. Как бы сильно он ни презирал небожителя, тот оставался смертельно опасным существом. Оставалось лишь надеяться, что угроза покончить с собой возымела хоть какой-то эффект.

Когда наступило праздничное утро, юноша наконец позволил себе немного расслабиться.

«Раз до сих пор ничего не случилось... значит, он сдался?»

В конце концов, он — верховный бог. К чему ему цепляться за обычного смертного? Скорее всего, его просто задело то, что прежний преданный поклонник перестал за ним бегать.

Ещё до рассвета Биюнь и остальные служанки подняли юношу с постели. Целая толпа людей хлопотала вокруг него, суетясь и поправляя каждую складку одежды. Лишь в самом начале Чао Цы удалось урвать минутку, чтобы перекусить кусочком печенья.

Когда пришёл назначенный час, Чао Цзюэ вывел брата из поместья. Всегда холодный и сдержанный, старший брат сейчас едва сдерживал слёзы.

Чао Цы не знал, что и чувствовать, а потому лишь улыбнулся:

— Брат, ну что ты, словно дочку замуж выдаёшь? Твой младший брат становится супругом императора! Буду жить в роскоши и тебя в обиду не дам!

В Северных землях браки между мужчинами не подразумевали соподчинения. Обе стороны считались равными. Даже Цзинь Яо, когда приходил к нему, признавал: он — муж Чао Цы, а Чао Цы — его муж.

Разумеется, союз с императором по определению ставил одного чуть ниже другого. Поэтому Цяо Пэй за два месяца подготовки к торжеству приказал переписать законы, закрепив особый статус императорского супруга. Будь обстановка при дворе спокойнее, он бы и вовсе разделил

власть с Чао Цы поровну. Однако юноша прекрасно знал свои возможности: почивать на лаврах и наслаждаться жизнью — в этом он был мастер, а вот государственные дела его совершенно не заботили. Поэтому он сам воспротивился передаче ему реальных полномочий, считая, что высокого титула вполне достаточно.

— Ты-то? Смотри только не влипни в историю и меня за собой не потяни, — притворно ворчал Чао Цзюэ.

Он вывел брата за ворота и помог ему сесть в седло. Тот самый сорванец, что когда-то едва доставал ему до колена, теперь восседал на высоком коне, выглядя по-настоящему статно и мужественно.

В груди старшего брата разлилась горько-сладкая тоска. Он был старше Чао Цы на девять лет; мать их рано ушла из жизни, и можно сказать, что он сам вырастил его. Мальчишка с детства не давал ему покоя: вечно творил какие-то бесчинства, от которых у Чао Цзюэ голова шла кругом, но стоило этому негоднику виновато улыбнуться и полезть с извинениями — и вся злость мгновенно улетучивалась. Приходилось, скрепя сердце, разгребать его бесконечные неприятности.

И вот, он вырос. Отныне у него будет своя семья. Чао Цзюэ было трудно расставаться с ним, но он понимал — так будет лучше.

Чао Цы ехал верхом во главе торжественной процессии под охраной многочисленной стражи. Путь лежал к дворцовым воротам.

Улицы кипели жизнью. Поскольку обряд наречения ещё не был завершён, по законам государства Е народ не обязан был склоняться в поклоне. Люди толпились по обе стороны дороги, стремясь хоть краем глаза увидеть столь редкое для молодой империи событие.

Но в самый разгар праздника небо внезапно потемнело.

Сердце Чао Цы пропустило удар. Тьма нахлынула слишком резко, слишком явно. Люди в толпе начали растерянно поднимать головы.

Всего мгновение назад стоял чудесный солнечный день, но теперь небо затянули грозовые тучи, а через весь небосвод пролегла багровая трещина. Разлом ширился, словно нечто колоссальное навалилось на мир сверху. Спустя мгновение юноша почувствовал, как по спине пробежал холод: это была не трещина, а исполинский призрачный клинок!

Едва он осознал это, чья-то мощная рука рывком выдернула его из седла.

Ошарашенные люди не могли оторвать глаз от застилающей небо тени. Стражники из почетного караула, обычно безупречные, тоже замерли в оцепенении, глядя на призрачное оружие, пронзившее небеса. Лишь когда они опомнились, то обнаружили: будущий императорский супруг исчез.

В толпе началась паника.

В это время Чао Цы уже находился на высоте тысячи чжанов. Люди внизу казались крошечными муравьями, императорский город — шахматной доской, а над всем этим миром неподвижно завис колоссальный клинок. Чьи-то руки стальным кольцом сжимали его талию.

— Что это значит? — юноша ледяным взглядом посмотрел на похитителя.

— Уйдёшь со мной, или я устрою здесь бойню, — голос Цзинь Яо звучал пугающе спокойно.

— Ты с ума сошёл?! — вскричал Чао Цы. — Там, внизу, сотни тысяч жизней! Цзинь Яо, неужели в тебе совсем не осталось сердца? Ты не боишься кары Небес?!

— И что мне сделает этот Дао? — бог усмехнулся с жестоким высокомерием. — Что до тебя... в тот день ты угрожал мне своей жизнью. А-Цы, если ты умрёшь, я убью Цяо Пэя, уничтожу государство Е, а затем отправлюсь в Царство мёртвых и заберу твою душу. Ты снова ничего не будешь помнить. Я заберу тебя в Царство богов, создам для тебя новое тело, и мы наконец станем идеальной парой.

Чао Цы затрясло, леденящий холод проник до самого костного мозга:

— Ты безумен...

— Если я умру и попаду в обитель мёртвых, а ты выкрадешь мою душу и создашь новое тело... разве это всё ещё буду я? — спросил он, пытаясь использовать свой последний довод.

— Разумеется. Просто без памяти... Но это не беда. Отныне в каждом твоём воспоминании буду присутствовать я сам.

Казалось, эта идея нравилась божеству всё больше и больше.

— Но мне не хочется, чтобы ты страдал. Если ты сейчас же согласишься уйти со мной, я остановлюсь, — проговорил он почти небрежно.

— Нет...

Стоило Чао Цы произнести это, как призрачный клинок без малейших колебаний начал

стремительно опускаться вниз. Огромная мощь рассекала воздух, чёрные тучи завихрились в апокалиптическом танце. Люди внизу, видя летящую на них погибель, в ужасе бросились врассыпную.

Юноше казалось, что он слышит их предсмертные крики.

— Нет! Стой!

Он зажмурился, и слёзы, которые он больше не мог сдерживать, покатались по щекам.

— Я согласен... умоляю, остановись... — прошептал он, задыхаясь от рыданий.

Зрачки Цзинь Яо снова сузились в звериные щели, и в тот же миг он обратился в исполинского чёрного дракона длиной в сотни чжанов. Чао Цы обнаружил себя внутри маленькой золотой клетки, которую дракон бережно сжал в своей пасти.

Словно это была единственная и бесценная добыча, посягнуть на которую не смел никто в подлунном мире.

Весть о том, что верховный владыка Цзинь Яо вернулся из мира смертных в своём истинном облике, да ещё и прихватил с собой человека, в тот же день облетела всё Царство богов.

Небожители, которым посчастливилось это видеть, шептались, что смертный был заперт в золотой клетке и облачён в свадебные одежды неописуемой красоты.

Неужели владыка, хранивший целомудрие тысячи лет, наконец-то решил познать вкус страсти?

В Царстве богов обитало немало бессмертных, но жизнь их была столь тягостно долгой, что лица приедались, а события повторялись. Поэтому свежая сплетня вызвала небывалый ажиотаж. Конечно, Цзинь Яо был слишком опасен, чтобы обсуждать его открыто, так что пересуды велись лишь за плотно закрытыми дверями.

Говорили, что владыка доставил пленника прямиком в свои покои, и на следующий день оттуда не донеслось ни единого звука. Впрочем, это было неудивительно: драконы славились своим неуёмным нравом, и если уж они дорывались до плотских утех, то могли не выходить десятилетиями. Вопрос был в другом — выдержит ли это хрупкий человек?

Эти благопристойные, но лишённые истинного сострадания небожители не слишком пеклись о судьбе смертного. Их беспокоило другое: если Цзинь Яо случайно погубит того, ради кого

пошёл на преступление, то в ярости он может обрушить свой гнев на всех окружающих.

Что же до того, не нарушил ли он законы, притащив человека в Царство богов... Нарушил, и весьма грубо. Вот только исполнять эти законы было некому — никто не желал добровольно идти на плаху к разгневанному божеству. В конце концов, эти правила установил сам Небесный Дао; если он недоволен — пусть сам и разбирается.

Впрочем, подобные прегрешения не считались чем-то из ряда вон выходящим. Почти у каждого в Царстве богов были свои тайны, просто никто не действовал столь открыто и дерзко. Скорее всего, Дао тоже закроет на это глаза.

Так или иначе, бессмертные не забивали себе голову лишними заботами. Они с удовольствием предавались праздности, делая ставки на то, когда из покоев Цзинь Яо придут первые вести.

<http://bllate.org/book/15361/1372909>